

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Сибирский институт управления

На правах рукописи

Шульга Даниил Петрович

**ПРЕДПОСЫЛКИ СЛОЖЕНИЯ ВЕЛИКОГО
ШЁЛКОВОГО ПУТИ И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В
КОНТЕКСТЕ ТРИАДЫ КИТАЙ-НОМАДЫ–
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая
история (История цивилизации, стран,
народов, регионов)

АННОТАЦИЯ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск 2022

Актуальность. Великий Шёлковый путь (ВШП), будучи целой сетью маршрутов в Евразии, сыграл огромную роль в социально-политическом и этнокультурном развитии региона. Речь идёт не только о дальневосточных тканях, шедших в Средиземноморье или римском золоте, распространившемся в бассейне Хуанхэ. Влияние ВШП было заметно в религиозной жизни (несторианство, манихейство, буддизм и др.), искусстве (античные образы в Восточной Азии), политогенезе (развитие государственности в Западном крае, на севере Китая и сопредельных регионах) и иных сферах. Всё вышесказанное касается и ряда территорий, ныне входящих в Российскую Федерацию и другие страны постсоветского пространства.

В русскоязычной науке существует интерес к феномену Великого Шёлкового пути, особенно в последние два десятилетия. Ряд вопросов (развитие несторианства в Центральной и Восточной Азии, интерпретация нарративных источников о Шёлковом пути на разных языках, предметы китайского импорта у кочевников Южной Сибири и др.) неплохо изучен в статьях и монографиях. При этом немало материалов (например, восточно-римские монеты в Китае), увы, остаются за рамками исследований. Кроме этого, в постсоветской исторической науке сохраняется и тиражируется ряд не вполне доказательных концепций, предположений и гипотез (начиная от удревнения сложения ВШП чуть ли не до эпохи развитой бронзы, заканчивая «легионерами Марка Красса в Китае»).

Настоящее диссертационное исследование, за счет привлечения новых источников (в первую очередь, эпиграфических, археологических и нарративных), их систематизации и анализа позволит существенно расширить и скорректировать бытующие представления о Великом Шёлковом пути. Автор доказательно представит сложение и развитие ВШП как результат совместной деятельности трёх «миров»: греко-романского, китайского и кочевого, заостряя внимание на тех моментах, которые до сих пор в русскоязычной науке изучаемы практически не были.

Кроме вышесказанного, изучение Великого Шёлкового пути актуально и в свете современной геополитической ситуации, когда КНР провозглашает инициативу «Один пояс – Один путь». Адекватное восприятие подобных шагов Китая на международной арене возможно лишь при наличии глубоких исследований исторического ВШП.

Объект исследования – Великий Шёлковый путь как этнокультурный и социально-политический феномен.

Предмет исследования – реконструируемые на основе эпиграфических, письменных источников, погребального обряда, вещевого комплекса этнокультурные и социально-политические процессы в VI в. до н.э. – XIV в. н.э., связанные со становлением и развитием ВШП.

Можно выделить основную **цель** настоящей работы: на основании нарративных, археологических и эпиграфических материалов дать анализ движущих сил, принимавших участие в становлении и развитии ВШП. Выполнение цели предполагает решение следующих **задач**.

1. Дать анализ источниковой базы и охарактеризовать её особенности.
2. На основе анализа литературы выявить степень научной разработанности темы.
3. Систематизировать археологический материал скифоидных культурнаселения Северного Китая.
4. Реконструировать основные черты хозяйственного комплекса и социальной организации населения Северного Китая в раннем железном веке и гунно-сарматское время.
5. Исследовать связь между археологическими культурами ранних кочевников и народами (в первую очередь – сюнну, сяньби и юэчжи), повлиявшими на становление ВШП (через создание на рубеже древности и средневековья государств в Центральной Азии и Северном Китае).
6. Проанализировать предметы греко-романского происхождения в Китае (предметы искусства, монеты), в том числе в контексте их ориентализации.

7. Охарактеризовать особенности распространения в Китае «внешних» религий (манихейство, несторианское христианство).

8. Рассмотреть параллели в парадигмах внешнеполитических отношений с кочевниками у китайцев и ромеев¹.

Географические рамки исследования соотносятся с территорией современных Нинся-Хуэйского автономного района, автономного района Внутренняя Монголия, провинций Ганьсу и Шэньси. Они определяются территорией распространения и степенью изученности сначала археологических памятников культур маоцингоу, янлан и шацзин, а затем расположением раннесредневековых государств, династии которых имели кочевое (в первую очередь – сяньбэйское) происхождение (прежде всего, Тоба-Вэй и Северная Чжоу). Из анализа археологических данных ясно, что Синьцзян, с одной стороны, и северо-восток Китая (Дунбэй) – с другой, и в период формирования предпосылок к сложению Шёлкового пути (кон. VI–II вв. до н.э.), и в эпоху непосредственного функционирования ВШП заметно отличались от изучаемого нами региона. Синьцзян имел отношение скорее к Центральноазиатскому культурному кругу, а Дунбэй был сравнительно мало вовлечён в деятельность на ВШП.

Северный Китай в настоящем исследовании выступает, таким образом, как территория, наследие которой маркирует связи Центральной Азии и Дальнего Востока со Средиземноморьем (т.е. ареалом греческой, римской и ромейской культур). Не имея возможности в рамках одной работы рассмотреть весь гигантский объём материалов по Шёлковому пути (такой труд занял бы множество томов²), мы сосредотачиваемся на одном регионе, демонстрируя через его историю развитие ВШП в целом.

¹ Здесь и далее наименования «ромейский», «восточно-римский» и «византийский» используются как синонимы.

² Артефакты Великого Шёлкового пути географически распространены чрезвычайно широко, один из примеров – находка в Болгарии (Стара Загора) в погребении катафрактария I–II вв. н.э. меча с нефритовыми вставками в ханьском стиле (более подробно: *Gontier É., Kostov R. I., Strack E. A Han-dated 'hydra'-type nephrite scabbard slide found in Chatalka (Bulgaria): the earliest and most distant example of Chinese nephrite distribution in Europe // Arkéolog, 2014. Vol. 65/4. Pp. 5-12.*).

Хронологические рамки работы отражают два периода. С одной стороны, это время существования культур скифского времени кон. VI–III вв. до н.э., представленных в восточной части степного пояса Евразии пазырыкской, уюкско-саглынской, тагарской культурами, а также культурами плиточных могил (КПМ), маоцингоу, янлан, шацзин и другими (рисунок 1). Начало этого периода на территории от Причерноморья до Тувы и восточной части Синьцзяна приходится примерно на втор. пол. VI в. до н.э., когда там полностью угасают культуры раннескифского облика. В относительно изолированной восточной части скифоидного мира от Забайкалья до Хуанхэ этнокультурные процессы происходили не столь резко, но культуры янлан, маоцингоу, и, по-видимому, шацзин также появляются в конце VI в. до н.э. и существовали синхронно культурам Синьцзяна и Саяно-Алтая в VI–III вв. до н.э. Именно этот период, судя по приводимым в диссертационном исследовании материалам, стал временем, когда активно формировались предпосылки для формирования Великого Шёлкового пути (интенсивное политико-экономическое развитие номадов, войны в Китае за объединение, постепенное продвижение эллинов на восток в ходе колонизации и войн с персами). С другой стороны, рассматривается функционирование ВШП в поздней древности и раннем средневековье³, т.е. анализируются материалы II в. до н.э. – VIII вв. н.э. Наконец, для того, чтоб проследить последствия начавшихся еще в раннем железном веке процессов, автор привлекает события «высокого азиатского средневековья» (XI–XIV вв.).

Источниковая база. В процессе анализа, интерпретации археологических данных и реконструкции систем хозяйствования и мировоззрения широкопривлекались:

1) археологические материалы, опубликованные в статьях и монографиях, посвящённых различным аспектам изучения культуры населения Центральной Азии и сопредельных территорий;

³ Делая акцент на наименее изученных темах, подробнее см. разд. 1.4. настоящего исследования.

2) музейные коллекции артефактов, зафиксированные автором в КНР (Провинциальные музеи Ганьсу, Шэньси, музей материальной культуры СУАР, музеи г. Пекин, комплекс Мавзолея Первого императора в г. Сиань), а в российских музеях (Государственный Эрмитаж, Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, музей археологии Алтайского государственного университета);

3) письменные свидетельства древних авторов (Сыма Цянь («Исторические записки»), Геродот («История»), Страбон («География»), Цзя И ⁴ (предположительно, «Синь шу», а также различные доклады, в первую очередь, императору Вэнь-ди, который правил в 180–157 гг. до н.э.), Чжугэ Лян («Вертоград полководца»)⁵, Фань Е («История династии Поздняя Хань»), Чэнь Шоу («Записи о Трёх царствах»), Бань Гу («История династии Хань»), Вэй Шоу («Книга Вэй», *имеется ввиду династия Тоба-Вэй или Северная Вэй, правившая в 386–535 гг., в раздробленном состоянии – до 550-х гг.*), Юй Хуань («Вэй шу», *также имеется ввиду Тоба-Вэй*), Фан Сюаньлин («Книга Цзинь», *имеется ввиду династия Цзинь, правившая в 265–420 гг.*), Яо Сылянь («Книга Лян», *имеется ввиду Южная Лян, правившая в 557–589 гг.*), Лю Сюй («Ранняя история Тан»), Оуян Сю («Новая история Тан»), Токто («Хроника династии Сун»), Ма Дуаньлинь (энциклопедия «Вэньсянь Тункао» и др.), Чжао Жуко («Описание иноземного») и др.);

4) религиозно-философские источники Древнего Ирана, Индии (Авеста, Ригведа, несторианские и манихейские тексты);

5) этнографические материалы по культуре кочевников-скотоводов Центральной Азии;

6) нумизматические материалы Единой (в период домината) и Восточной Римской империи, обнаруженные в КНР;

7) эпиграфические источники (в основном, раннесредневековые

⁴Его наставления по поводу взаимоотношения с «варварами» подробно рассматриваются в разделе 3.6.

⁵Трактат этого автора «Вертоград полководца» переводился нами лично и подробно разбирается во второй главе.

китайские эпитафии, переведённые, в т.ч., с классического китайского языка, вэньяня, Д.П. Шульгой).

Методология и методы исследования. Автор исходит из принципов исторического материализма, представлений об экономическом базисе и его влиянии на развитие иных сфер общественной жизни. Историки и археологи советской эпохи (а также исследователи из Китайской Народной Республики – с 1950-х гг. и до настоящего времени⁶) провели значительную работу по адаптации классического марксизма к специфике обществ Евразии⁷. Сейчас отношение к наследию «исторического материализма» неоднозначно, однако автор настоящего диссертационного исследования видит возможность проследить постепенное развитие производительных сил и производственных отношений на основании имеющихся источников.

С середины прошлого века значительно выросла источниковая база для исторических исследований (в том числе, по теме диссертации). Распространение приобретают работы, затрагивающие проблемы интеграции данных археологии, нарративной истории и этнографии. Иногда идёт речь об отдельной дисциплине «этноархеологии», которая может достичь больших успехов в изучении социокультурных явлений⁸. Автор настоящей работы не склонен к подобному радикализму, но данные этнографии в значительной степени способствуют пониманию социально-экономической жизни ранних кочевников. Это объясняется тем, что устойчивые системы ведения хозяйства среди кочевников и полукочевников, сохраняются не зависимо от этнической и языковой принадлежности.

⁶ Яркий (и отнюдь не единственный) пример – цитирование Ф. Энгельса в статье о зарождении конницы (*An Zhongyi. The beginning and development of cavalry in pre-Qin period // Kaogu Yu Wenwu, 2003. №4. Pp. 34–39.*)

⁷ Один из примеров применения марксистской методологии к обществам Евразии при изучении их истории (на основании как археологических, так и письменных источников) демонстрируется в сборнике: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *От доклассовых обществ к раннеклассовым.* М.: Наука, 1987. 242 с.

⁸ Более подробно см., напр., Н.А. Томилов. *Этноархеология: новое направление российской науки // Вестник ОмГУ, 1999. Вып. 2. С. 5–9.*

В рамках методологии и методики реконструкций материальной и духовной культуры на основе широкого круга источников использовались: 1) общетеоретические основы отечественной археологической науки (например, В.В. Генинг); 2) элементы структуралистского подхода к культуре любого общества как к системе взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, обладающих предметным и семантическим значением⁹ (К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман); 3) общее представление о соотношении «базиса» и «надстройки» в рамках марксистской науки в её современном состоянии (уровень хозяйственного развития предопределяет социально-политические процессы); 4) методологический инструментарий современной исторической компаративистики¹⁰.

В процессе сбора различных источников и их первичной обработки, а также историографического анализа литературы применялись специальные методы истории, археологии, этнографии, источниковедения (системно-структурный, стратиграфический, типологический, статистический, сравнительно-исторический, ситуационный, системный, историко-хронологический, диалектический, историко-генетический, метод периодизации, идеографический, ретроспективный). В рамках применяемого подхода отдельные артефакты и комплексы исследуются как нечто целое, состоящее из отдельных элементов, способных развиваться, не изменяя характеристик системы. В работе, в зависимости от характера оценочных процедур дана внешняя и внутренняя критика источников, которая состоит из определения подлинности и выяснения достоверности содержащейся в них информации. Мы опираемся на принципы историзма и объективности, а также на антропологический подход (история повседневности и микроистория).

Необходимо особо отметить, что, несмотря на активный анализ материальной культуры древних обществ (и использование

⁹ Данный подход применяется при работе с эпиграфикой, переводимой автором, а также при анализе искусства.

¹⁰ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, 2015. 248 с.

соответствующих методик), наше исследование является по своей сути историческим ¹¹, а не археологическим (например, автор не ставит цели установить эволюцию той или иной категории инвентаря). Опора на археологические источники является вынужденной, т.к. значительная часть изучаемого нами периода очень слабо описана в письменных памятниках.

Научная новизна. В предлагаемой диссертации воссоздана картина хозяйственного и культурного развития населения Северного Китая в VI–III вв. до н.э. Веден в научный оборот и систематизирован значительный объём нового материала, прежде не доступного русскоязычному исследователю. Например, новые и малоизвестные погребальные памятники¹².

Проведен сравнительный анализ с культурами скифского времени Саяно-Алтая и Сибири, в том числе артефактов с чертами скифо-сибирского звериного стиля, где удалось выделить ряд существенных характеристик в русле хронологической и культурной принадлежности (в том числе, в контексте продвижения групп населения с севера на юг Китая в IV–III вв. до н.э.).

Впервые в европейской науке автор публикует объемное исследование по римским монетам в Китае, в котором не только приведены их физические

¹¹ Подобный подход описывается в классической работе Владислава Петровича Бузескула, первоначально изданной в Харькове в 1910 г. (переиздание: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / Вступ. ст. и общ. ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 672 с.). Например, в разделе «3. Памятники вещественные». Из числа видных исследователей современности этой проблемы касался, например, А.И. Иванчик (Иванчик А.И., Куланда С.В. Источниковедение дописьменной истории и ранние стадии социогенеза. Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Сборник научных трудов. Москва: Институт истории СССР, 1991. С. 192-216.).

¹² Наша диссертация, таким образом, дополняет и развивает (на базе новых материалов) научное направление, истоки которого лежат еще в Новом Времени (например, в 1648 г. Я. Готфрид издал «Полное описание мира и народов» - *Expositio totius mundi et gentium*, римский нарративный памятник сер. IV в. н.э.). В рамках современной науки по данной тематике уже в сер. прошлого века выходили такие монументальные работы как, например: Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М; Л: изд-во Академии наук СССР, 1951. 410 с. + илл.

характеристики и место обнаружения, но также реконструированы сфера их распространения и социальный статус владельцев.

В научный оборот введены новые материальные и эпиграфические источники, указывающие на заметное влияние на ВШП эллинистического искусства и христианства (подчас существовавших параллельно).

В данной работе Великий Шёлковый путь представлен не как абстрактный феномен межкультурной коммуникации, а как результат конкретный процессов в чётко очерченный период, с явной преемственностью и причинно-следственными связями. Автор создал непротиворечивую концепцию сложения Шёлкового пути, в рамках которой рассматривается не только период непосредственного функционирования Великого Шёлкового пути с эпохи Хань (многие эпизоды истории которого неплохо уже изучены), но и «подготовительный этап» – процессы, происходившие в раннем железном веке. В диссертационном исследовании удалось показать, что номады, обитавшие к северу от Хуанхэ, были не просто внешней агрессивной силой, жаждущей дани от Китая, но и важным созидательным элементом (во всяком случае, для ВШП). Вышедшие из «круга скифоидных культур» сюнну и сяньби не просто создавали мощные кочевые империи. Их представители основывали династии на территории Поднебесной (Тоба-Вэй, Суй, Тан и др.). Именно в период их правления торговля на ВШП расцветала, увеличивалось количество импортных изделий (например, римские монеты, предметы искусства в греко-романском стиле), в Поднебесную проникали новые религиозные учения, распространяясь среди населения как самого Китая, так и его соседей. Примечательно, что подобную закономерность можно проследить вплоть до Монгольской эпохи.

Апробация работы. По теме диссертации опубликован ряд публикаций в журналах из списка ВАК (23), SCOPUS (12), WoS (20). Автор принимал участие в более чем пятидесяти конференциях в России (Сибирь, Крым, Санкт-Петербург, Москва), Беларуси, Японии, Китае (Урумчи, Ланьчжоу, Сиань), ЛНР и ДНР, где последовательно представлял результаты своих

исследований. В 2021 г. на базе Сибирского института управления РАНХиГС под руководством автора был выполнен внутренний исследовательский грант по теме «Этнополитические образования на территории Восточной России и сопредельных территориях (на рубеже древности и средневековья)», в итоге получивший положительную оценку как в СИУ, так и со стороны внешнего эксперта, доктора исторических наук П.К. Дашковского (Алтайский государственный университет).

Положения, выносимые на защиту:

1). Скифоидные культуры Северного Китая в VI–III вв. до н. э. традиционно эпохи бронзы поддерживали тесные связи в меридиональном направлении с кочевниками Монголии, Забайкалья, и, опосредованно, с Минусинской котловиной. В финале раннего железного века эти связи распространялись на юг до бассейна Янцзы.

2). Контакты в западном направлении с населением современного Синьцзяна до кон. III – нач. II в. до н. э. практически не фиксируются. В частности, не выходила на запад за пределы Ганьсу культура шацзин.

3). Хозяйство носителей культур маоцингоу и янлан, судя по археологическим и письменным источникам, в основном базировалось на скотоводстве. Культура шацзин имела более выраженный земледельческий компонент в экономике. Во всех трех культурах наблюдалось социальное и имущественное неравенство.

4). На границах государств Центральной китайской равнины (ЦКР) в VI–IV вв. до н. э. существовало несколько полуварварских государств типа Чжуньшань, служивших передаточным звеном между Центральной равниной Китая и степью, и оказывавших заметное влияние на эти стороны.

5). В течение VI–IV вв. происходило неуклонное продвижение земледельческого населения китайских царств «хуася» в северном и западном направлениях, к III в. до н. э. вытеснявшего и ассимилировавшего скотоводческое население наиболее плодородных земель в районе Ганьсу, Ордоса и Нинся.

6). Время кон. VI–III вв. до н.э. (период Чжаньго в Китае, «скифское время» Сибири, классический и ранний эллинистический периоды в Греции) стало прологом Великого Шёлкового пути, когда складывались его основные акторы. В кон. II в. до н.э. Центральная равнина Китая объединилась под властью империи Хань, у номадов сложились государства сюнну и сяньби, в этот же период Рим добился гегемонии в Средиземноморье.

7). Римская империя (сначала Единая, а затем – Восточная) воспринималась в Китае как «уравновешивающая» держава, что выразилось в наименовании «Великая Цинь», которое понималось как «империя на западе, подобная Китаю».

8). Предметы искусства в эллинистическом стиле бытовали в Китае как минимум до VII в. н.э., отличаясь степенью ориентализации. Монеты Восточной Римской империи играли огромную роль в экономике Великого Шёлкового пути (по крайней мере, в V–VIII вв. н.э.), являясь, по сути, единственной золотой валютой в регионе. Китай и Восточная империя действительно имели целый ряд сходных черт, выражавшихся, помимо «имперской идеи», в аналогичных методах взаимодействия с кочевниками.

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из введения, трёх глав и заключения. В *первой главе* на основе анализа научной литературы автор выявил степень изученности научных проблем, связанных с тематикой исследования. В ней выделяются части (разделы и параграфы) в соответствии с особенностями источников и исследовательской литературы. Кроме этого, исследованы некоторые терминологические вопросы. Темой *второй главы* является культурная, хозяйственная и социально-политическая жизнь кочевников скифского времени в Северном Китае. Источниками для реконструкции стали погребальный обряд и инвентарь, сообщения древнекитайских авторов, искусство и широкий круг аналогий из пояса степей Евразии. Смысл этой главы – продемонстрировать важнейшие (и в то же время,

весьма малоизученные¹³) для формирования ВШП социальные, культурные, хозяйственные и политические процессы. *Третья глава* посвящена наименее исследованным в отечественной науке, но, вместе с тем, важнейшим объектам наследия Великого Шёлкового пути, как материальным (предметы искусства с эллинистическими сюжетами, римейские монеты, эпиграфика), так и нематериальными (политические традиции и религиозные учения). В *заключении* подводятся итоги диссертационного исследования. В *приложение 1* вынесены развёрнутые аннотации к иллюстративному материалу, в то время как *приложение 2* содержит сами рисунки (66 шт.). Наконец, *приложение 3* является списком статей (BAK, WoS и SCOPUS) автора диссертации.

¹³ В сравнении с синхронными событиями кон. VI–III вв. до н.э. в Греции или на Центральной равнине Китая.